

СОВРЕМЕННЫЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ В КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье исследуются причины популярности и воспроизводства современных нетрадиционных форм и методов овладения иностранными языками, которые включают в себя широкий спектр явлений от овладения иностранными языками в пограничных состояниях до «языковых путешествий». Исследование проводится методом монографического «анализа случая» (case-study) на материале проведения Дня факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета (2000–2006 гг.).

Das Ziel der Abhandlung «Neue nicht-traditionelle Formen des Fremdsprachenerwerbs vom kulturalanthropologischen Standpunkt aus» besteht darin, die Ursachen der Popularität und der Reproduktion der Formen des Fremdsprachenerwerbs und der Kulturvermittlung außerhalb der traditionellen methodischen Ansätze festzustellen. Die Ergebnisse werden anhand der Analyse einer der nicht traditionellen Formen des Fremdsprachenerwerbs – des Tages der Fakultät für Fremdsprachen der Staatlichen Universität Nowosibirsk (Internationale Arbeit) – erzielt.

Традиционное и нетрадиционное – введение в проблему

К предметной области исследования, как и заявлено в названии настоящей статьи, относится широкий спектр явлений в сфере овладения иностранными языками, которые выходят за границы подходов, сформулированных в рамках методики и дидактики обучения иностранным языкам.

Нетрадиционных методик овладения иностранными языками (НМ) существует великое множество: на одном полюсе этого множества расположены различные способы «изучения» иностранных языков в состоянии сна, гипноза, путем прямого воздействия аудио-визуальных явлений, а на другом – «языковые» туры и путешествия. Не смотря на эклектичность и несхожесть всего того, что не вписывается в достаточно жесткие пределы традиционных подходов, среди всего этого разнообразия можно выделить некоторые общие характеристики. Во-первых, НМ не требуют особых усилий, зачастую какой-либо активности не надо проявлять вообще («сильно Вас не обременяет», как весьма точно охарактеризован «метод» 25-го кадра в одном из отзывов, представленных в сети интернет). Во-вторых, зачастую НМ носят развлекательный характер, что также не предполагает специальных целенаправленных усилий по овладению соответствующими умениями и навыками (в частности, разного рода путешествия «за языком»). В-третьих, очень часто нетрадиционные методики подаются

под видом некоего «эксклюзива», более того, эзотерики. Подчеркивается, что «когда-то раньше» все это было доступно лишь избранным и не подлежало распространению среди простых смертных (среди референтных групп чаще всего фигурируют спецслужбы и бизнес-элита, а один из способов стоимостью 3,7 у. е. так и называется «Методика Ускоренного Изучения Иностранных Языков по Методу Спецслужб» (сохранена авторская орфография. – С. Ф.). При этом наряду с подчеркиванием эзотерического характера нетрадиционных методик парадоксальным образом утверждается, что та или иная методика годится абсолютно для всех целевых групп – от детей до пожилых, от начинающих до профессионалов и от домохозяйек до академиков: «ВОЗМОЖНО выучить ЛЮБОЙ язык ВСЕГО за несколько месяцев даже ПРИ ПОЛНОМ, как Вы считаете, отсутствии способностей» (<http://www.intellect.aaanet.ru/>).

Итак, подведем некоторые итоги всего сказанного о нетрадиционных методиках и формах овладения иностранными языками: без усилий, весело, быстро, не дорого, практически абсолютная эффективность, «эксклюзивность» и одновременно общедоступность. И не смотря на всю эту несовместимость в «одном флаконе» для любого здравомыслящего человека, все это продается и покупается. Чем объяснить такую «живучесть» нетрадиционных методик? **Целью** настоящего исследования является выяснение причин популярности нетрадиционных

методов овладения иностранными языками, постоянного воспроизводства их, несмотря на весьма спорную эффективность, подчас полную абсурдность и многократное развенчание в средствах массовой информации.

Выбор исследовательского подхода

С дидактико-методической точки зрения. Логично начать анализ проблемы средствами

и методами дидактики и методики обучения иностранным языкам. В рамках дидактики исследуются закономерности процесса обучения, в рамках методики формулируются философски и научно обоснованные цели, содержание, приемы, методы, формы обучения. Ниже мы представляем краткий обзор основных традиционных методов изучения иностранных языков.

Подход	Представления о языке	Цель обучения	Способ обучения
Когнитивный	<i>Система</i> грамматических правил и лексических единиц	Усвоение языковых <i>знаний</i>	Изучение грамматических правил, лексики, перевод текстов
Аудио-визуальный	Вид <i>поведения</i>	Выработка правильного <i>поведения</i> и вытеснение неправильного	Имитация правильного языкового поведения (повторение, заучивание речевых образцов и т. д.)
Деятельностный	Вид <i>человеческой деятельности</i>	Приобретение языковых <i>умений</i> и <i>навыков</i> , необходимых в повседневной коммуникации	Решение средствами языка практических задач из сферы <i>повседневной коммуникации</i>

Легко увидеть, что современные методика и дидактика стараются по преимуществу не замечать НМ: данные способы «изучения» иностранных языков настолько одиозны, что всякое их обсуждение, в том числе и критическое, может скомпрометировать любого эксперта. Как же так? Попробуем взглянуть на нетрадиционные методики с точки зрения обеих наук.

1) Цели, формулируемые в рамках НМ, совершенно не обоснованы ни с **философской**, ни с **научной** точек зрения.

2) Задачи и ожидаемые результаты противоречат, в частности, выводам психологии обучения (запомнить 100 слов в час!).

3) Виды «активности», предусматриваемые в рамках НМ для достижения поставленных целей (бездействие, пассивная рецепция, пребывание в «пограничных» состояниях, вплоть до клинической смерти), никак не могут быть отнесены к активности учебной, направленной на формирование у обучаемого знаний, умений и навыков.

Следует признать, что НМ не имеют никакого отношения к процессу обучения, как

он рассматривается соответствующими науками, т. е. дидактикой и методикой, поэтому не являются предметом дискурса данных наук. НМ иррациональны и ненаучны, так же как иррациональны барабашка, привидения и «теория» исторического процесса Носовского – Фоменко.

С точки зрения культурной антропологии. НМ, будучи явлением иррациональным, обладают определенной устойчивостью, воспроизводятся в человеческой практике в течение достаточно продолжительного периода, им соответствуют вполне определенные представления о том, как можно «понастоящему» приобрести те или иные знания, тот или иной опыт. Данные представления тоже иррациональны. Хотя НМ и соответствующая им «мифология», строго говоря, не относятся к сфере науки, к сфере рационального, они принадлежат культуре: ведь культура, даже современная, не ограничивается сферой рационального. Следовательно, НМ могут и должны рассматри-

ваться в рамках **культурно-антропологического подхода**.

Культурно-антропологический подход к исследованию тех или иных институтов, практик, представлений предполагает их рассмотрение как явление культуры. Данный тезис требует дальнейших пояснений. Прежде всего необходимо выяснить, что же такое «явление культуры». Под культурой мы понимаем систему образцов сознания и поведения, существующих в диахронии (транслирующихся из поколения в поколение). Культурный образец – это «объект любой природы, с которым человек (индивид, совокупность индивидов) соотносит какие-либо элементы своего сознания и (или) поведения» [Розов, 1992. С. 35]. Если культура – это **система** образцов, то каков же характер связи между ними? Н. С. Розов отмечает: «Важнейшее отношение между образцами – “лежать в основе” или “фундировать”. Образцы, не фундируемые другими образцами, но сами фундирующие их, называются ядерными. Ядерные образцы фундируют периферийные образцы» [Там же. С. 38]. Согласно данной модели культура представляет собой иерархическую пирамиду, в основании которой лежат ядерные образцы. Но, по-видимому, не все так просто: периферийные образцы могут фундировать другие периферийные образцы, не исключено также и перекрестное взаимное фундирование, именно благодаря этому культурные образцы обладают устойчивостью, транслируются из поколения в поколение даже не получая значительного ресурсного обеспечения (вспомним разного рода «пержитки», «реликты» и маргинальные явления). Ядерные культурные образцы зачастую могут быть лишь реконструированы на основании сопоставления множества периферийных образцов, восходят к древнейшим, может быть, врожденным поведенческим программам.

Итак, выделим следующие существенные характеристики явления культуры (культурных образцов): а) соотнесенность с некими ядерными культурными образцами (культурным образцом), включенность в **систему** культурных образцов сознания и поведения (наличие устойчивых связей с ними) и как следствие б) устойчивость и повторяемость (в пространстве и времени / диахронии, т. е. в различных сообществах). Данная концепция культуры и ее явлений, соотносимых с теми или иными человеческими сообщест-

вами, как нам представляется, вполне соответствует предмету культурной антропологии и ее излюбленным методам исследования (широкие сравнительные исследования представлений, практик и институтов, охватывающие различные регионы земного шара, исторические эпохи и жизненные сферы).

Чем больше, тем важнее

Поясним смысл введенных понятий, а также продемонстрируем их операциональность (возможность применения к тем или иным культурным представлениям и практикам) на простых примерах.

В Российской армии в среде солдат-призывников существует жесткая иерархия: в упрощенном виде военнослужащие срочной службы подразделяются на «старослужащих» и «молодых», статус последних значительно ниже статуса первых. Исследователь «экстремальных групп», К. Л. Банников отмечает: «Элита (старослужащие. – С. Ф.) демонстрирует свою доминантность и свободу ношением ремней максимально распушенными, расстегнутыми воротниками...» [Банников, 2002. С. 33]. Армейский парадный головной убор – фуражка – у «дедов» также трансформируется: ее тулья должна быть высокой, кокарда – выпуклой и загнутой. У «молодых» высота фуражки остается неизменной [Там же. С. 109–110]. Без сомнения, подобные правила ношения одежды старослужащими являются явлениями культуры (точнее, армейской субкультуры), т. е. *культурными образцами сознания и поведения* в среде военнослужащих Российской армии: данные правила существуют на протяжении нескольких десятилетий, транслируясь от одного поколения солдат к другому. Очевидно также, что правила ношения формы «дедами» и «молодыми» не являются врожденными поведенческими программами: они не выходят за пределы армейской субкультуры России (возможно, некоторых стран – бывших республик СССР) да и в рамках данной субкультуры существовали тоже не всегда. Каков же смысл этих образцов сознания и поведения, каково их место в системе культуры, с какими культурными образцами они соотносятся по принципу фундирования? Ответить на это легко, сравнив правила ношения воинской формы с символами иных эпох и регионов: стелой ассирийского царя Ассаргадона, древнеегипетскими настенными изображениями, надгробными плитами

Древней Греции и Рима. Везде изображение индивидов, имеющих более высокий социальный статус, пространственно преувеличены по отношению к изображению индивидов низкого ранга. К этому же смысловому ряду принадлежат троны, пьедесталы, президиумы. Сюда же относится типичное поведение школьного учителя и университетского преподавателя во время занятия с учениками или студентами: как правило, учитель / преподаватель во время урока свободно передвигается по классу / аудитории, но подобное поведение со стороны учащегося было бы воспринято как нечто неуместное: нарушение дисциплины, неуважение, вызов. Своим пространственным поведением учитель подчеркивает, что он здесь «главный», хозяин: «его» пространство – вся аудитория, а пространство ученика – лишь небольшая часть скамьи и стола, которую он занимает. Но вернемся к нравам в Российской армии. Расстегнутый воротничок или ослабленный ремень «деда» Российской армии символизируют его пространственную экспансию, подчеркивают, что он больше «не вмещается» в пространственные рамки, определенные для «молодых».

На чем основывается это стремление быть большим? Учеными-этологами установлена прямо пропорциональная зависимость между социальным рангом индивида и его пространственными размерами, тем местом в пространстве, которое он занимает: «Главный из них (из символов власти. – С. Ф.) (как и у многих других млекопитающих и птиц) – это зрительно возвысить себя над остальными. Всегда стараться занять высокое место – бугор, камень, пень – и не допускать на возвышение остальных» [Дольник, 1994. С. 145]. Данная программа «работает» и в отношении человека, это врожденная поведенческая программа.

Итак, интерпретируем рассмотренные явления в терминах культурных образцов сознания и поведения: ядерным культурным образцом здесь будет выступать (зачастую неосознанная) взаимозависимость между пространственными размерами и социальным статусом индивида, а периферийным, одной из реализаций данной взаимосвязи – например, правила ношения военной формы среди военнослужащих-призывников Российской армии. Если ношение фуражек и ремней в Российской армии отменят, то исчезнут и соответствующие культурные образцы, связанные с демонстрацией социального статуса, но можно предположить,

что для подобной демонстрации будут использоваться иные символы, манипулирующие с пространственными размерами индивида, поскольку не исчезнут иные культурные образцы, символизирующие прямую зависимость между размером и статусом, и, следовательно, соответствующие смыслы будут сохраняться, воспроизводиться и получать новое символическое выражение.

В поисках смысла, или Метод исследования

Исходя из сформулированного выше представления о культуре как о системе образцов сознания и поведения, определим метод исследования. Предметная область исследования – нетрадиционные методы овладения иностранными языками – образуют объясняемую переменную. Интересующие нас практики и представления связаны по принципу (взаимного) фундирования с какими-то иными представлениями, практиками, институтами, являясь частным случаем более широкой переменной, объединяющей некую совокупность случаев на основании общего признака (признаков). Возможно, что некоторые случаи этой широкой переменной уже получили достаточно полное объяснение в науке, и соответственно основной задачей исследования является реконструкция той переменной, к которой НМ относятся как отдельный случай. Данная реконструкция возможна на основании подробного анализа НМ. Для этого используем метод монографического «анализа случая» (case-study) – достаточно подробный анализ **индивидуального явления**, включенного на основании определенных свойств и характеристик в более широкий социальный и культурный контекст – совокупность сходных явлений, составляющих объясняемую переменную [Девятко, 2002. С. 28]. Результаты анализа – те или иные выделенные характеристики – позволяют включить исследуемый случай в более широкий контекст, нежели объясняемая переменная, в котором последняя является лишь одним из случаев. Подобное расширение класса исследуемых объектов позволяет привлечь к исследованию интересующих явлений дополнительный материал, в том числе уже имеющиеся результаты.

В качестве **иллюстрации** предложенного метода культурно-антропологического анализа, используемого в настоящем исследо-

вании, попытаемся выяснить причины устойчивости и воспроизводства в диахронии следующего культурного феномена. Все, кто бывал в горах и забирался на не слишком высокие и, в общем, доступные любому здоровому человеку вершины, конечно, не могли не заметить множества граффити, оставленных не очень воспитанными и культурными посетителями этих мест (по типу «Здесь был Вася»). Традиция наносить подобные надписи существует на протяжении целых десятилетий (по крайней мере Ильфу и Петрову они были уже хорошо знакомы), содержание их примерно одинаково: как правило, имя, дата, место жительства (населенный пункт) автора / авторов. Логично предположить, что хронологически более поздние граффити наносятся по образцу более ранних. Подобные феномены, несомненно, следует отнести к сфере культуры, учитывая их устойчивость и повторяемость. В чем причина устойчивости данных культурных образцов сознания и поведения, каков механизм их воспроизводства в диахронии и пространственной экспансии, ведь этому, как говорится, «не учат в школе», более того, данное поведение совершенно однозначно осуждается как бескультурное (т. е. официальные каналы для его воспроизводства закрыты)? Наконец, подобные граффити не предоставляют своим авторам никаких дивидендов – ни материальных, ни моральных (некий Вася, оставляющий подобные надписи, вовсе не преследует цель получить таким образом широкую известность, повысив тем самым свой статус). Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо выявить ряд сходных образцов сознания и поведения, особенно тех, смысл которых уже известен. В первую очередь, очертим пространственную локализацию подобных граффити. Легко заметить, что их авторы стараются нанести их как можно выше от земной поверхности. Наиболее значимыми, престижными местами для нанесения подобных надписей и изображений являются вершины естественных или искусственных объектов, места, доступ к которым ограничен и требует определенных усилий: скалы на Алтае, доступ к которым требует приложения определенных усилий, но, в принципе, возможен для всякого здорового человека, буквально усеян граффити, в то время как на менее высоких участках по пути к «вершине» они либо вообще не встречаются, либо их гораздо мень-

ше. Очевидно, сходными с объясняемыми являются следующие феномены: различные объекты, устанавливаемые альпинистами на горных вершинах (флаги, кресты), объекты, доставляемые на небесные тела (эмблемы СССР и знамя США, доставленные на Луну). Сюда же относятся, например, Красное Знамя на куполе Рейхстага или щит князя Олега на воротах Царьграда, а также разного рода эмблемы, которые спортивные команды, чаще всего во время состязаний детских групп, стремятся водрузить где-нибудь на финише. Смысл всех этих объектов понятен: они являются выражением идентичностей разного уровня – национально-государственной (государственные флаги и эмблемы), групповой, индивидуальной (личные имена), с которыми индивиды себя отождествляют. Смысл же описанных действий с данной атрибутикой также ясен: они (действия, связанные с «водружением» символики) обозначают некое торжество, победу, доминирование той или иной группы или индивида. Данные образцы сознания и поведения, в том числе и граффити на возвышенных местах, являются ни чем иным, как реализацией архетипа «чем больше, тем важнее», о чем говорилось выше. Именно этим, а также устойчивой традицией осуществлять символическую пространственную экспансию, оставляя преимущественно в предельных пространственных пунктах, в культурно-значимых, сакральных местах, а также на «вражеской» территории «следы» в виде объектов, с которыми индивиды и сообщества идентифицируют себя (пресловутые надписи на партах, стенах, асфальте, в «культурных» местах – музеях, памятниках архитектуры и т. п.), можно объяснить устойчивость и популярность исследуемых явлений. Мы видим, что практика нанесения граффити на возвышенных местах является культурным образцом сознания и поведения, включенным в целую систему сходных образцов сознания и поведения, поддерживаемых и передающихся из поколения в поколение прежде всего в детских и подростковых сообществах, основанных на, возможно, врожденной программе поведения «чем больше, тем значимее». К данной системе культурных образцов относятся, между прочим, традиция студентов Новосибирского государственного университета взбираться по пожарной лестнице на крышу лабораторного корпуса и водружать флаг на башне обсерватории, а также многовековая евро-

пейская традиция сооружения «майских деревьев» юношей перед домом его возлюбленной, причем любовь юноши, престиж девушки (т. е. ее статус как в молодежной группе, так и в локальном сообществе), а также косвенно и престиж юноши прямо пропорционален высоте майского дерева [Агапкина, 2002. С. 500]. В современной урбанистической среде традиция майских деревьев трансформировалась в практику признаний в любви, выполненных краской по возможности большими буквами на горизонтальных и вертикальных поверхностях городского ландшафта: чем больше буквы, тем значимей объект нежных чувств.

Интернациональный Арбат

Но вернемся к нашим НМ. Для того чтобы достичь поставленной цели, рассмотрим более подробно одно из мероприятий, относящихся к нетрадиционным формам овладения иностранными языками и знакомства с «чужой» культурой – День факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета (День ФИЯ НГУ) – «Интернациональный Арбат».

День ФИЯ НГУ проводится с 2000 г., с 2003 г. – в рамках общеуниверситетской Интернедели – своеобразного «парада» культурно-массовых мероприятий (выставки, «круглые столы», концерты), проводимого ежегодно в начале мая. Задачей Дня ФИЯ НГУ является представление культур стран, языки которых изучаются на факультете иностранных языков. Данное мероприятие готовится и проводится студентами первого и второго курсов ФИЯ (как правило, все первокурсники участвуют в его проведении) и предполагает активное участие гостей праздника во всем, что происходит на «сцене» (пространство сцены становится доступным для зрителей, превращая их в участников действия). В качестве «сцены» первоначально использовался шестой этаж лабораторного корпуса НГУ (учебные аудитории и коридор). Последние два года праздник проходит на площадке перед главным входом в НГУ, вместо аудиторий используются палатки уличных кафе. Каждая из палаток превращается на время праздника в ту или иную «страну» (США, Великобритания, Германия, Франция, Китай, Япония, Турция и др.) и маркируется соответствующей символикой (национальный флаг, герб, видовые открытки, сувениры и т. п.), студенты наряжаются в национальные одежды, пригла-

шают гостей, проводят с ними различные конкурсы, связанные с традициями соответствующих стран, организуют аттракционы (например, «салон татуировки», «салон гадалки», «интернациональный ЗАГС», где любую пару могут «обвенчать» по традициям различных стран и народов), угощают блюдами национальной кухни и т. п. «Интернациональный Арбат», не смотря на свой праздничный, шуточный и развлекательный характер, рассматривается как эффективная форма знакомства с «чужими» культурами – своего рода реклама этих культур, как способ создания мотивации изучения иностранных языков: участниками и спонсорами Дня ФИЯ НГУ являются администрация НГУ, Генеральное консульство ФРГ в Новосибирске, Центр немецкого языка в сотрудничестве с институтом им. Гёте, торговые фирмы Новосибирска и др.

Место и время действия

Первоначально рассмотрим контекст интересующего нас случая, его пространственные и временные условия. Место проведения Дня ФИЯ НГУ – небольшая площадь перед главным входом в университет. Данное пространство – пограничное, расположенное между пространством университета и «внешним миром». Формально-юридически эта площадь принадлежит университету, но фактически связь ее с основным пространством университета достаточно слаба: данная территория не охраняется, доступ на нее не ограничен в отличие от университетских корпусов и общежитий, вход в которые контролируется охраной и осуществляется по предъявлению соответствующих документов (студенческий билет, удостоверение). Таким образом, площадь является периферийной, маргинальной зоной университетской территории.

Как уже отмечалось, День ФИЯ НГУ традиционно проводится в рамках общеуниверситетской Интернедели в начале мая. Этот относительно короткий период времени в жизни НГУ характеризуется своеобразным смещением «центра тяжести» университетской жизни: наиболее значимые события происходят на периферии университетского пространства – на стадионе, в спорткомплексах, в Студенческом культурном центре (восьмое общежитие НГУ), перед входом в главный корпус университета (День ФИЯ). Кульминационное и завершающее мероприятие Интернедели – «Ма-

евка», представляющая собой рок-концерт с финальным костром, в течение нескольких лет проходила на заднем дворе НГУ, сейчас она проводится, как и День ФИЯ, на площади перед главным входом в НГУ. Главное значение во время Интернедели приобретают разного рода культурные и развлекательные мероприятия, т. е. виды активности, считающиеся в вузах второстепенными, менее важными, чем учебная и научная деятельность. Главными организаторами и исполнителями мероприятий в рамках Интернедели являются студенты, т. е. опять-таки лица с относительно низким статусом в университетской иерархии. Образно говоря, университетское сообщество в дни Интернедели становится «с ног на голову», периферийное и маргинальное приобретает значение (конечно, до известных пределов), статусные структуры наблюдают и оказывают помощь, т. е. являются помощниками тех, кто в обычное время им подчиняется.

Не трудно заметить, что подобное «смещение центра тяжести» по направлению к периферии поздней весной – летом, как в пространственном, так и в социальном аспекте, характерно не только для университетского сообщества, но и для повседневной жизни всего социума (может быть, проявляется не так ярко и заметно). Наступает время пикников, вылазок на природу, «походов» с непременно костром, шашлыками и напитками, начинается дачный сезон: осваивается территория, периферийная по отношению к основной территории, занимаемой социумом, субъектом данных видов активности выступает в большей мере молодежь, чем другие возрастные группы. Вся Интернеделя и завершается одним большим пикником с огромным костром, музыкой и морем пива.

Весь мир на одном пяточке

«Изюминка» Дня ФИЯ НГУ состоит в упразднении границ между «сценой» и «зрительным залом», благодаря чему зрители сами становятся участниками действия. Рассмотрим подробнее виды активности гостей праздника. Прежде всего, они совершают *символическое путешествие*, пересекают границы, отделяющие «свой» мир от «чужого». В чем же состоит цель и смысл их путешествия, где находится конечный пункт, финиш? В том-то и дело, что никакого конечного пункта у данного путешествия нет: цель – ничто, путь – все. Гости посе-

щают различные (по возможности все) страны-палатки, принимая участие в программе, подготовленной организаторами (разного рода веселые конкурсы, как, например, сражение на воздушных шарах, интернациональный загс, где «сочетают браком» всех желающих по традициям разных стран, салон гадалки и салон татуировок, салон стильных причесок, появиться с которыми в общественном месте совершенно немислимо и др.). Весьма популярны массовые дегустации разного рода национальных блюд и напитков, которые раздаются совершенно бесплатно или, что случается крайне редко, за очень небольшую символическую плату. В 2006 г. организаторы «палатки хиппи» приготовили огромный торт с символом «пацифика» в центре, в конце представления все желающие (кому досталось) смогли «приобщиться» к одному из главных символов «детей цветов».

Совершенно очевидно, что в социокультурном аспекте ситуация странствования от палатки к палатке моделирует утрату идентичности / статуса и пребывание в «промежуточном» пространстве за пределами устойчивых идентичностей.

Сам набор стран-палаток разнообразен и эклектичен: Восток рядом с Западом, Китай рядом с Японией. Подобная эклектика характерна для «переходных» состояний вообще и для молодежных субкультур в частности. Достаточно весьма поверхностно ознакомиться с символами-граффити, покрывающими места встреч молодежи, чтобы убедиться, что знаки леворадикального молодежного движения АКМ мирно соседствуют с символикой панков, анархистов, хиппи и др. Для молодежной среды вообще типичен переход из одной социокультурной общности в другую: сначала был битломаном, затем стал хиппи, снова вернулся к битломанам и стал у них главным [Щепанская, 2004]. Все это характеризует ситуацию отсутствия стабильного статуса, поиска «своей» идентичности.

Умри и научись

Сказанного о Дне ФИЯ вполне достаточно, чтобы для искушенного читателя оказалась очевидной связь данного феномена с так называемыми «обрядами перехода» (*rites de passage*), а именно с их «лиминальной» (переходной) фазой, по терминологии А. Ван Геннепа и В. Тэрнера. Как отмечает В. Тэрнер, «лиминальность и ее носители

увертываются или выскальзывают из сети классификаций, которые обычно размещают “состояния” и положения в культурном пространстве... лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то ни се; они – в промежулке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [Тэрнер, 1983. С. 169]. Как День ФИЯ, так и более широкий социокультурный контекст этого праздника насыщены разнообразной «переходной» символикой. Прежде всего, следует упомянуть «мистическую власть слабого», которая стала излюбленным сюжетом волшебных сказок (подвиги третьих сыновей, детей, портняжек, дураков и др.), которые, как указывал В. Я. Пропп самым прямым образом связаны с инициационными обрядами [Пропп, 2004]. В Интернеделе и в Дне ФИЯ «мистическая власть слабого» нашла выражение в том, что на некоторое время «главными» становятся студенты, а «взрослые» (факультетская и университетская администрация) выступают в качестве их помощников.

Как известно, одним из отличительных признаков «обрядов перехода» является символика смерти, а сами инициационные обряды воспринимаются как временная или символическая смерть. Как же такой веселый праздник, как «Интернациональный Арбат», связан с таким жутким явлением, как смерть?

Прежде всего, смерть в человеческой культуре получала самые разнообразные символические выражения. Достаточно совершить прогулку по территории исторических некрополей, например по Новодевичьему или Ваганьковскому кладбищам Москвы, чтобы заметить, что смерть зачастую предстает в виде весьма привлекательных молодых дев, детей, ангелов.

Психологами, культурологами и антропологами установлено, что существование объекта или субъекта соотносится с наличием у субъекта или объекта **определенного, стабильного места в пространстве**, а небытие – с отсутствием такого места. «Здесь же лежит причина того, почему маленькие дети довольно долго не могут научиться играть в прятки... Им кажется, что если они стали другим не видны, то таким образом перестали для других существовать. Тогда в душу начинает закрадываться сомнение: есть ли я вообще, – которое дети тут же разрешают для себя, высунувшись через не-

сколько секунд из укрытия, чтобы показать себя миру», – отмечает М. В. Осорина [2004. С. 31]. Подобные представления о бытии и небытии, жизни и смерти, пусть и в бессознательной форме, сопровождают человека на протяжении всей его жизни (чтобы о тебе не забывали, нужно быть на виду), характерны для человеческой культуры, особенно на ранних стадиях ее развития, и для так называемых субкультур (культурных традиций, связанных с теми или иными возрастными, профессиональными сообществами). О смерти и мертвых не говорят, все, что относится к данной сфере, принято скрывать, отгораживать, закапывать, сжигать.

А сейчас зададимся вопросом: что происходит с атрибутами и аксессуарами Дня ФИЯ после праздника? Большая их часть уничтожается во время или сразу после праздника (еда и напитки, украшения). Наиболее красивые вещи с праздника (самодельные плакаты, костюмы, газеты и др.) хранятся за шкафами, пылятся в подсобках и на антресолях вместе с ненужным хламом. Мало что «доживает» до следующего праздника. Для предметной среды «Интернационального Арбата» в прямом смысле **нет места** в повседневной жизни университета. О пространстве, в котором проводится День ФИЯ, уже говорилось выше. Это пограничное пространство, межа, не принадлежащее в каком-то смысле никому, для обладателей тех или иных определенных мест его как бы не существует. Пристанищем «стран» являются палатки, которые сегодня есть, а завтра их уже нет. Таким образом, можно сделать вывод, что День ФИЯ НГУ «Интернациональный Арбат» просто насыщен символикой небытия, смерти, мира мертвых, как и классические обряды перехода.

Все вышеуказанные особенности предметной среды, поведения участников и пространства праздника «Интернациональный Арбат» могут быть лишь реконструированы как атрибуты небытия, но непосредственно как таковые не воспринимаются. Но в программу Дня ФИЯ НГУ входил аттракцион, включавший в себя совершенно явные и однозначные образы смерти, так называемый «Музей восковых фигур». В затемненной комнате под жуткое звуковое сопровождение (вой волков, собак и т. п.) зрители встречались с inferнальными персонажами – охранником, до смерти затоптанным студентами, спешащими на занятия, сту-

денткой, умершей в прокуренном туалете от удушья, говорящей головой, монстрами-преподавателями, сосущими кровь студента и т. п. Совершенно очевидно, что данный аттракцион, символизирующий мир мертвых, представляя его не страшным, а смешным (черта, часто встречающаяся в «традиционной» народной культуре), не относится ни к какой из культур стран, языки которых изучаются на ФИЯ (персонажи «Музея восковых фигур» связаны лишь с университетским социумом), и обретает свой смысл лишь в том случае, если рассматривать «Интернациональный Арбат» в контексте *посвятительных ритуалов*.

Итак, на основании всего вышесказанного День ФИЯ НГУ «Интернациональный Арбат» может быть интерпретирован как явление, относящееся к сфере обрядов перехода, посвященных, инициационных ритуалов. Но тогда возникает вопрос: причем здесь овладение иностранными языками?

В процессе инициации в традиционных обществах неопиты приобретали магические умения и знания, обладание которыми отличало их от «непосвященных». Достаточно вспомнить сюжеты волшебных сказок, где герои получают меч-кладенец, скактерть-самобранку, волшебных помощников. Представления о владении «чужими» языками как об особых магических способностях характерны для «традиционных» культур. Таким даром обладали «посредники» между миром живых, миром богов и миром мертвых – шаманы. В Библии (I Послание к Коринфянам) дар «истолкования языков» рассматривается как дар Святого Духа. Представления о владении иностранными языками как о магической способности характерны для некоторых современных легенд о людях, овладевших иностранными языками без всякого обучения, оказавшись в состоянии, близком к смерти (например, в состоянии клинической смерти). Примером такого рода легенд может служить история с Вилли Мельниковым: «Молодой человек, по его собственным словам, “остался жив по недоразумению”. В боях в Афганистане погиб весь его взвод. Последнее, что осталось в памяти от того дня, 15 ноября 1983 года, – горячая волна подкинула его в воздух. Сердце остановилось на 7 минут, что зарегистрировано официально. Но, по его впечатлениям, он был “там” около пяти часов. Испытал чувство полета, освобождения, видел под со-

бой океан. Очнувшись, заговорил на языке камчадалов – коренного населения Камчатки (<http://www.art-menu.ru/am2/viewtopic.php?t=25210&s...>).

Итак, подведем итог нашего исследования. Нетрадиционные методики, несмотря на все их разнообразие, восходят к обрядам перехода, их символике и связанных с ними представлениях, в частности о «временной» или символической смерти: в рамках многих НМ овладение иностранными языками происходит в «пограничных» состояниях (гипноз, воздействие разного рода аудиовизуальных эффектов). Многие НМ предполагают реальное или символическое путешествие за рубеж, утрату прежней идентичности и обретение новой, и тот факт, что в традиционной культуре смерть представлялась как некое путешествие, в частности путешествие за границу, и что более или менее продолжительное путешествие – элемент обряда перехода, является общеизвестным. Наконец, некоторые НМ заявляют о своей «эксклюзивности», о том, что они для избранных («Изучение иностранных языков по методике спецназа»). Эзотерический, тайный характер (для непосвященных) носили и инициации традиционных обществ.

Популярность и устойчивость НМ объясняется тем, что они, будучи периферийными образцами сознания и поведения, соотносятся с распространенными в далеком прошлом во всех регионах Земного шара формами социализации, получения магических и волшебных знаний и умений – обрядами перехода, включавшими в себя лиминальный период или символическую смерть. «Чистую» структуру данных обрядов, выделенную А. Ван Геннепом, можно назвать ядерным культурным образцом. Несмотря на вытеснение обрядов перехода и их идеологической основы – мифологии – в эпоху классового общества и в особенности в индустриальную эпоху в связи с социальными и культурными трансформациями (рационализация мировоззрения и общественной жизни, урбанизация, распространение начального и среднего образования), реликты подобных архаических практик и представлений достаточно широко распространены в современном обществе, в частности на периферии социокультурной регуляции (детская и молодежная субкультура, армейский социум и др.). Практически любой современный горожанин независимо от

социального положения и уровня образования хорошо знаком с подобными ритуалами и принимал в них участие. Именно эти реликты архаических обрядов перехода и связанные с ними представления составляют поддержку и опору НМ.

В заключение несколько слов о тех культурных практиках, которые непосредственно связаны с Днем ФИЯ как обрядом перехода, лежат в его основе. Конечно же совершенно невероятным было бы предположить, что «Интернациональный Арбат» непосредственно восходит к обрядности традиционных культур. Генетически День ФИЯ связан с традициями студенческой субкультуры НГУ, в частности с ритуалами посвящения первокурсников. Но есть одно существенное отличие: студенческое посвящение эзотерично, в принципе не предназначено для «посторонних» (непосвященных). И в этом смысле оно ближе к архаическим почитательным ритуалам. День ФИЯ открыт для всех, представляя своеобразную «шоу-версию» посвящения.

Список литературы

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского календаря. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. М.: Изд-во РАН, 2002. 400 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Девятко И. Ф. Методы социального исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 225 с.

Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.

Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2004. 276 с.

Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. 215 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004. 332 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Вост. лит., 1983. 277 с.

Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

Материал поступил в редколлегию 24.09.2006